

Елизавета Мальчикова

Пламенный Ягнёнок

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елизавета Мальчикова

Пламенный ягнёнок

«Автор»

2026

Мальчикова Е.

Пламенный ягнёнок / Е. Мальчикова — «Автор», 2026

В мире, где древние боги и нечистая сила ходят по земле, судьба молодой девушки решается не её сердцем, а волей матери. Её выдают замуж за сына богатого купца — человека, которого она не знает и не любит. Но настоящие испытания только начинаются. Купец, охваченный жаждой наживы, находит в лесу несметные сокровища. Однако за каждое богатство, скрытое в чашах, назначена своя цена. Когда он пытается обмануть судьбу и оставить всё себе, на пороге появляется Лихо — славянская нечисть, требующая платы — душу его сына. Желая спасти наследника, купец совершает роковую ошибку: он приносит в жертву свою невестку. Но обмануть Лихо невозможно. Древнее существо чувствует ложь, и в ярости расправляется с самим купцом. Столкнувшись с предательством и страхом, она должна найти в себе силы, чтобы выжить, пока тьма не поглотила всё, что ей дорого, а может и её саму. Книга основана на сказках, фольклоре и мифах славянской Руси, с авторской вольностью, однако не основана на реальных исторических фактах.

© Мальчикова Е., 2026

© Автор, 2026

Елизавета Мальчикова

Пламенный ягнёнок

Пламенный ягнёнок.

Часть первая.

Тень Лихо.

Глава первая.

Жизнь в оковах.

Игната.

Мама заплетала мне в косу цветки ромашки, я сидела на широкой лавке у малюсенького окна, опустив голову и машинально перебирая вышивку на своём белом кафтане. В избе пахло свежим сеном, воском и мёдом — к вечеру готовили угощение для дорогих гостей. Сквозь приоткрытое оконце доносились голоса соседских женщин, обсуждавших, каков собой жених, да сколько у его отца лавок в городе.

— Хватит теревить нитки, хочешь, чтобы отвалились? — строго сказала мама, ловко вплетая в косу очередной цветок. — Какому мужу нужна замарашка? Сиди смирно, Игната, не позорь ни себя, ни род.

Я вздохнула и выпрямила спину, стараясь не смотреть на своё отражение в медном зеркале. Моё сердце билось часто-часто, и слёзы скатывались по щекам сами собой.

— Дай же мне Волос сил! Посмотрите на неё! Скоро в наш дом придёт богатый жених, сын купца. Мама сильно оттянула мою косу, заставляя смотреть на неё. — А ты всё слёзки льёшь! И знаешь, какая молва по деревне идёт? — Одной рукой она уперлась в бок, а другой всё ещё держала мои волосы. Боль пронизывала всю мою голову. Слёзы уже лились по моим щекам, я попыталась качнуть головой.

— Говорят, он статен, черноволос и уже не раз выбирал себе невесту в других деревнях, но ни одна не пришлась по душе. А теперь вот и до нашей избы дошёл его выбор. Так что будь добра, вытри слёзы.

Она отпустила волосы, и я быстро смахнула горячие слёзы.

С улицы послышался скрип телеги и весёлые крики — это возвращались с поля братья, а за ними, кажется, и старшие женщины из рода. Мама торопливо поправила мне ленту на лбу и шепнула:

— Улыбайся, дочка. Не только кафтаном да косой красна девица, но и добрым сердцем. А уж если купец тебя примет — будешь жить в достатке, не хуже боярыни.

До боли сжимая вышитый платок, я подняла глаза на дверь: вот-вот раздастся стук.

— Но я не хочу жить в достатке, не хочу замуж, я тоже слышала много слухов о купце. Знаешь, почему ни одна девушка не ушла в его дом? — Я встала и упёрлась матери в грудь. — Потому что он мерзкий, он без спросу берёт то, что ему пожелается, в том числе и девичье тело, такой судьбы ты для меня хочешь?

Мама ударила ладонью меня по щеке.

— Тебе всё равно придётся познать мужскую любовь, все через это проходили! Подумай обо мне и о своих младших братьях.

Раздался оглушительный стук в дверь.

— Ну- ка, сядь - ка в угол, дочь. — Мама метнула на меня злой взгляд, а я, покорившись, села в угол, под изображением великого Бога Волоса.

— Помоги мне. — Шепнула я в пустоту.

В избу, пригнувшись под низкой притолокой, первым вошёл толстый, богато одетый купец. Его длинный опашень из тяжёлого, шитого золотой нитью бархата, подбитый соболем, волочился по чисто вымытому полу. На груди, переливаясь в свете лучин, сияла массивная золотая цепь с самоцветами, а пальцы унизаны перстнями с крупными камнями. Голову купца венчала высокая шапка, отороченная дорогим мехом, из-под которой выбивались седеющие пряди. Сзади, почтительно отстав на шаг, шёл молодой черноволосый юноша. На нём был короткий зипун из тонкого аксамита вишнёвого цвета, расшитый серебряными узорами в виде трав и птиц. Поверх зипуна надет распашной кафтан из камки, подпоясанный широким кушаком с кистями. На ногах юноши красовались сафьяновые сапожки с загнутыми носами.

Взглянув на омерзительно красное лицо купца, я быстро опустила голову, а мать, увидев гостей, тут же выпрямилась и, склонившись в глубоком поклоне, вытянула обе руки, на которых на расшитом рушнике лежал пышный каравай с солонкой наверху, произнесла звонким голосом:

— Хлеб да соль, дорогие гости!

— Хлеб да соль, хлеб да соль... — Голос купца был скрипучим, как несмазанная телега. Он не говорил, а словно перекачивал слова во рту, уже откусив от пышного каравая. Крошки, застрявшие в его густой, седеющей бороде, в неровном свете лучин казались живыми. Мне почудилось, что там копошатся вши, и к горлу подступил горький ком.

Он подошёл вплотную. От него пахло кислым хлебом и чем-то приторно-сладким. Купец наклонился, пытаясь заглянуть мне в лицо, но я упрямо отвела взгляд, оставившись в стену поверх его плеча. Мой гнев был тяжелее камня, а презрение — острее ножа.

— Ну! — Его тон не терпел возражений. Голос внезапно сорвался на визгливый фальцет. — Где наша девчина? Покажись!

Не дождавшись ответа, он вскинул руку у самого моего лица. Толстый, поросший жёсткими волосками палец коснулся моих губ. Кожа была влажной и липкой. С омерзением я прижалась губами к холодному металлу его перстня.

Его взгляд — сальный, липкий — медленно пополз вниз по моей фигуре, оценивая и раздевая.— Хороша... — протянул он наконец, и в этом слове было больше похоти, чем во всех его богатствах.

С тяжёлым, скрипучим вздохом купец распрямил спину. Его пальцы, толстые и горячие, выхватили из моих рук платок. Он грубо провёл им по лбу, смахивая крупные капли пота, и тут же, скомкав ткань, швырнул её обратно. Платок, влажный и тяжёлый, ударил меня в грудь и упал на пол.

— Ну что, берём? — в голосе купца слышалось чавканье — он не переставал жевать.

— Берём, батюшка, — эхом отозвался его сын.

В тот же миг мать рухнула на колени перед купцом. Её лоб глухо стукнул о половицы.

— Спасибо тебе, господин! Спасибо, миленький! — запричитала она, не смея поднять глаз. — Игната будет хорошей и верной женой вашему сыну!

— Ещё бы, — визгливый фальцет купца разрезал тишину избы.

Тяжёлая ладонь легла мне на плечо. Я дёрнулась, словно от ожога, и сбросила его руку. Его прикосновение, унижительное и липкое тенью осталось на моём плече.

Не обращая внимания на мой жест, он двумя пальцами — большим и указательным — грубо ухватил меня за щёку и принялся тереть её, словно проверяя товар на рынке.

— Ишь какая... строптивая.

Я до крови прикусила губу, но слёзы всё равно обожгли глаза.

— Завтра после полудня вашу девку заберёт мой человек, — бросил он тоном, не терпящим возражений. Купец развернулся к выходу. Сын услужливо распахнул перед ним дверь.

Уже переступая порог, купец обернулся через плечо:— Ну что, мать? Рада?

Дверь захлопнулась, а я горько зарыдала.

Мама, не удостоив мои слёзы ни единым взглядом, тяжело поднялась, отряхнула подол юбки и с явным облегчением опустила на стул.

— Вот и всё, дочь. Завтра ты станешь госпожой. Наряжайся, люби мужа, ешь досыта. И мать не забывай.

Я сорвала ленту со лба и, рухнув на колени, поползла к ней.

— Матушка, прошу! Не отдавай меня! — Слёзы снова хлынули из глаз. Я вцепилась в её руку, но она с брезгливой гримасой вырвала ладонь и, не сказав ни слова, вышла из избы.

Я так и осталась стоять на коленях, опершись на стул, раз за разом тяжёло всхлипывая от горячих слёз.

Ночь опустилась на деревню тёплым, душным одеялом. За окном гремел праздник — чужое веселье, воздвигнутое на моём горе. Слышались пьяные крики, нестройные песни, звон посуды и смех, который казался мне издевательством. Я же сидела в тёмном углу, за печкой, уткнувшись лицом в колени, и беззвучно плакала, чувствуя, как с каждой минутой рушится моя жизнь.

Я услышала, как скрипнула половица — это мать, вернувшись с улицы, легла спать, не сказав мне ни слова. Её молчание было страшнее любого крика. Я подняла голову и посмотрела в окно: сквозь мутное стекло виднелись отблески костров и мелькающие тени хороводов. Они пировали, празднуя мою судьбу, а я чувствовала себя погребённой заживо, отрезанной от всего мира невидимой стеной.

Слёзы текли по щекам, обжигая кожу, но я даже не пыталась их вытереть. В груди росла глухая, безысходная тоска. Я знала: завтра всё изменится. Завтра я перестану быть собой и стану чужой вещью, игрушкой в руках незнакомого человека. И от этой мысли сердце сжималось так больно, что хотелось кричать, но из горла вырывался лишь тихий, отчаянный стон, тонущий в шуме чужого праздника.

Выглянув из-за печки, я увидела, что мать уже крепко спит, её дыхание было ровным и глубоким. Я осторожно поднялась и, стараясь не скрипнуть половицей, вышла из избы.

На улице пьяные лица кружились в хороводах, смех и крики сливались в один неразборчивый гул. Никто не обратил на меня внимания, когда я, словно тень, направилась к реке. Волос меня не слышит, а значит, утопиться — мой единственный выход.

Я шла, будто в тумане, ноги едва слушались, каждый шаг давался с трудом. Осенний ветер пробирал до костей, теребил вышивку на моём кафтане. Красные нитки беспокойно колыхались, словно чувствуя мою боль.

— Игната! — донёсся издали чей-то голос, но я даже не обернулась. Просто шла дальше по промозглой земле.

— Игната! — на этот раз голос был ближе, в нём звучала тревога.

Я дошла до реки и, не раздумывая, шагнула в ледяную воду. Холод мгновенно сковал ноги, но я не замечала этого. Вдруг чья-то сильная рука схватила меня и потянула назад на берег.

— Да что ж ты делаешь-то! — голос брата дрожал от ужаса.

Святослав, хоть и младше меня, уже догнал в росте. Он с силой взял меня за плечи и затряс:— Утопиться вздумала!

Я безвольно кинулась в его объятия, чувствуя, как последние силы покидают меня.

Брат скинул с себя рубаху и накинул мне на плечи, усаживая на траву. Сам сел рядом со мной и тихо сказал.

— Не переживай, Игната, я скоро поеду работать в город и закрою все мамины долги, а после выкуплю тебя у купца.

Я горько покачала головой. — В городе ты женишься на Алишке, у вас будут дети, и твоих денег просто не хватит на всех.

— Сначала я скоплю денег для тебя, обещаю.

Зелёные глаза брата светились надеждой, в них не было ни тени упрёка — только безграничная забота и тревога. Меня не любила родная мать так, как любил младший брат. В его взгляде я всегда находила утешение, а в объятиях — ощущение настоящего семейного очага, которого мне так не хватало. Он был моей опорой, единственным человеком, ради которого стоило жить.

— Игната, не смей так больше делать, — прошептал Святослав, крепко прижимая меня к себе. — Я всегда буду рядом, слышишь? Всегда.

Я молчала, уткнувшись лицом в его плечо, чувствуя, как дрожат его руки. Я знала: пока он рядом, у меня есть шанс выбраться из этого омуты отчаяния.

Под утро мы вернулись домой. В избе уже пахло дымом и кислым хлебом — мама проснулась и гремела посудой, нарочито громко ставя глиняные миски на стол.

— Где вас носило? — её голос был хриплым от недосыпа и раздражения. Матвейка, сидевший на лавке, тут же схватил свою миску, сунул в неё грязные пальцы и, не найдя ничего съестного, обиженно захныкал.

— Егор уже давно в поле, — она метнула злой, колючий взгляд на Святослава. — А ты всё шарахаешься туда-сюда! Одевайся и быстро к нему, бездельник!

Мы с братом подошли к столу, но мама резко вскинула руку, выставив указательный палец. — Нет-нет-нет. Останетесь без завтрака. Семеро одного не ждут, а смелый и один поест.

Святослав дёрнул плечом, его лицо потемнело. Он молча развернулся и скрылся за печкой, откуда вскоре донеслось шуршание одежды. Я хотела было выйти следом за ним, но мать остановила меня властным окриком:— А ты останься! Протрёшь полы до блеска, переберёшь крупу да баню истопишь. Украсишь её лентами и вичками, что я подготовила.

Я не стала спорить. Лишь молча кивнула, опустив глаза.

Когда все мамины указания были выполнены, а изба наполнилась запахом свежесмытых досок и распаренного дерева, я уложила Матвейку спать. Во сне он смешно посасывал большой палец и причмокивал губами.

Я смотрела на его безмятежное лицо и думала о своём. Когда-нибудь и у меня будут дети. Я поклялась себе: ни за что на свете не заставлю свою дочь выходить замуж против её воли. Никогда.

Из раздумий меня вытянули гулкие шаги и приглушённые голоса. Дверь распахнулась, и в избу вошли мать, братья и Алишка.

В руках у Алишки была большая плетёная корзина, доверху наполненная душистыми травами и полевыми цветами.

— Возьми с собой в город, — мягко сказала она, ставя корзину рядом с моими сундуками, где уже лежала одежда и нехитрая утварь. — А то, небось, совсем нас забудешь.

Мама подошла ко мне вплотную, порывисто обняла и тут же развернула меня спиной к себе. Её пальцы коснулись моей косы.

— Да поможет тебе Мокошь, — прошептала она и вытянула из моих волос первую ленту.

Один за другим ко мне подошли братья. Их голоса звучали глухо, но слаженно:— Да поможет тебе Мокошь.

Святослав задержался дольше других. Его ладонь на мгновение замерла на моём плече, и я услышала его тихий, но твёрдый голос:— Я сдержу обещание. Верь мне.

Последней подошла Алишка. Её движения были нежными и аккуратными. Она достала последнюю ленту, и моя тяжёлая каштановая коса, расплетаясь, упала волной на спину.

Я крепко обняла подругу, чувствуя, как к горлу подступает комок. Предательские слёзы обожгли глаза. — Береги моего брата, — прошептала я ей на ухо и, резко отвернувшись, чтобы никто не увидел моей слабости, быстро шагнула в полумрак бани.

Когда я вышла из бани, то увидела большую карету. Её массивный деревянный корпус, тщательно отполированный и покрытый резьбой, блестел на солнце. На дверцах и по углам красовались узоры в виде переплетающихся трав, птиц и солярных знаков — оберегов, призванных защищать путника в дороге. Широкие и прочные колёса, окованные железом, чтобы выдерживать долгую дорогу по ухабам и грязи. Запряжена карета парой крепких лошадей в нарядной сбруе с медными бляхами и колокольчиками. Подойдя ближе, я невольно ахнула, я никогда не видела такого роскошества. Блеск на угольно чёрной шерсти коня, манил изяществом переливов. Поддавшись порыву, я положила ладонь на животное. Мягкая шерсть отозвалась тёплым прикосновением.

— Ну, здравствуй. — Шепнула я.

Сзади, на запятках, стоял высокий мужчина, с мечом на поясе. Его тёмные волосы аккуратно убраны в короткую причёску, и только лишь непослушная прядь спадала на лоб — охранник, дружинник, кто он? Я не знала.

Казалось, вся деревня собралась, чтобы хоть одним глазком взглянуть на размах богатой городской жизни. Гордо выпятив грудь, моя мать вышла на крыльцо, упёрлась обеими руками в бока и, покачиваясь, оглядела собравшихся.

— Ну-с, видали? — надменно сказала она.

Я сторала от стыда. Закрыв лицо руками, я юркнула в избу.

Слуги быстро унесли сундуки в карету, а Алишка помогла мне завязать рубаху. Я поправила юбку, и Святослав крепко обнял меня на прощание. Егор с детским любопытством разглядывал карету: то низко наклонялся, пытаясь заглянуть под днище, то подпрыгивал, чтобы рассмотреть, как устроена крыша.

Выйдя на крыльцо, я ещё раз взглянула на брата. В его глазах читалась тревога, но он лишь молча кивнул.

Охранник подал мне руку и помог забраться в карету. Я опустилась на мягкие сиденья, обтянутые кожей. Рядом лежали расшитые подушки с кистями. В углу стоял кованный ларец с запасом еды и кувшином с квасом.

Моё сопровождение двинулось в путь одновременно с каретой.

Позади ехал мой охранник. Его лицо, с идеально очерченной мужской линией скул, оставалось непроницаемым, лишь едва подёргивалось от напряжения.

Карета остановилась у огромного особняка, располагавшегося в глубине просторного двора, обнесённого забором. Опустив ногу на каменную кладку, я почувствовала приятный аромат шиповника, перемешанный с грушей и яблоней. Деревья и кустарники были повсюду. Поддавшись порыву, я подошла к кусту и аккуратно сорвала цветок. Я медленно шла по узкой дорожке, ведущей к огромному особняку.

Тяжёлая дубовая дверь поддалась с глухим скрипом, пропуская нас внутрь. Я переступила порог, и меня тут же окутал густой, пряный аромат воска и свежего дерева. Просторная светлица встретила нас торжественной тишиной. Стены и высокие потолки, обшитые гладко оструганными досками, уходили вверх, теряясь в полумраке. Полы, выложенные сложным узором наборного паркета, холодили ноги даже через подошвы моих сапожек.

Величественным центром зала стояла изразцовая печь. Её бело-синие изразцы, расписанные диковинными птицами и травами, казалось, жили своей жизнью в отблесках пламени, пляшущего за слюдяным окошком топки. Слуги скользили по дому бесшумными тенями, словно призраки, не смея нарушить покой этого места.

— Госпожа, — тихий голос охранника вырвал меня из оцепенения. Он легонько коснулся моей руки, возвращая к реальности.

— Игната, — выдохнула я, закрывая глаза и вдыхая тонкий, едва уловимый аромат дикой розы, который я всё ещё сжимала в ладони. — Называйте меня по имени.

Он коротко кивнул и отступил в тень, оставляя меня одну посреди этого великолепия. Я не успела сделать и шага, как со второго этажа, по широкой парадной лестнице, спустился он. Мой жених. Его губы изогнулись в самодовольной ухмылке, когда он заметил моё изумлённое лицо.

— Ну что, дорогая жена? Нравятся хоромы? — его голос эхом отразился от стен.

Я осеклась, почувствовав себя деревенщиной, глупой дурой, и неотёсанной дикаркой. Мой взгляд метнулся к охраннику у входа.

— Господин, — отчеканил тот, коротко кивнул и, повинувшись безмолвному приказу, покинул дом, плотно прикрыв за собой дверь.

— Этот человек всегда будет ходить за мной? — тихо произнесла я.

— Вадим — твой телохранитель. Он будет сопровождать тебя в поездках, на прогулках и, возможно, на охоте... если я сочту твоё присутствие там уместным.

«Если сочтёшь уместным», — мысленно передразнила я его напыщенный тон. Вслух же я лишь сдержанно кивнула.

— Сегодня у нас венчание. Но прежде тебя нужно покрестить. Ты ведь у нас... староверка?

Его надменность опережала его самого. Я вспыхнула.

— У меня другая вера, — выпалила я быстрее, чем успела прикусить язык.

Он коротко хохотнул, выгибая бровь:— Мусульманка?

Я молча покачала головой.

— Значит, русская. А Бог на Руси один.

Я открыла рот для возражения, но он властно поднял руку, не давая мне говорить.— Не забывай: ты больше не в материнском доме. Право быть хозяйкой здесь нужно заслужить. А моё доверие — и подавно.

Он сделал паузу, окинув меня очередным уничижительным взглядом. Вторая бровь медленно поползла вверх.— Ну? Поняла?

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладонь.— Да.

Его лицо исказилось в гримасе недовольства:— Да... кто?

Я быстро сообразила: этому человеку обязан весь мир, а меня он считает лишь дорогой покупкой, выгодным вложением капитала. Я заставила себя разжать пальцы и ответила ровно:— Да, господин.

Удовлетворённый моим ответом, он направился к выходу. Уже у самой двери он вскинул обе руки в театральном жесте и бросил через плечо:— Блестяще!

Массивная дверь захлопнулась с грохотом пушечного выстрела. Я осталась стоять на лестнице одна. В наступившей тишине был слышен лишь треск поленьев в печи да гуляющего ветра.

Я стояла посреди чужого дома, в шлейфе его омерзительного пафоса, но из-за спины донесся женский голос.

— Госпожа...

Я обернулась на этот мелодичный, почти певучий голос. Передо мной стояла женщина средних лет, её натруженные руки спокойно лежали на чистом переднике. В её взгляде не было ни тени высокомерия, только усталая почтительность.

— Позвольте вас проводить в покои, — мягко произнесла она, склоняя голову.

— Как вас зовут? — спросила я, следуя за ней по длинному, слабо освещённому коридору. Тени от редких свечей плясали на бревенчатых стенах.

— Дарья, — ответила женщина, останавливаясь у высокой, покрытой резьбой двери. Её пальцы легко коснулись холодного металла ручки. — Я старшая над прислугой.

Она толкнула дверь, и та бесшумно отворилась. Перед моим взором открылась горница. Воздух здесь был пропитан запахом сушёных трав и воска. Стены, обшитые гладким, пахнущим смолой деревом, создавали ощущение уюта и защищённости. На одной из стен висело огромное тканевое панно, вышитое золотыми нитями: по алому шёлку вились диковинные цветы и птицы.

Я сделала шаг вперёд, и мои ноги утонули в мягком ворсе ковровой дорожки, которая вела прямо к легалу. Резные столбики, поддерживающие полог, были украшены искусной резьбой, а само ложе утопало в ворохе подушек и меховых покрывал.

Рядом с кроватью выстроились в ряд огромные сундуки, в которых покоились дорогие ткани, платья, ларцы с драгоценностями.

Пройдя дальше по ковру, я остановилась у окна. От мысли о том, что я действительно выгляжу как глупая деревенщина, восхищающаяся простыми вещами, мне стало не по себе.

Но я ничего не могла с собой поделаться. От этого роскошества, от осознания того, что теперь это моя клетка из золота и бархата, бросало в дрожь.

— Завтрак всегда в семь утра, госпожа, — раздался за спиной голос Дарьи. — Ваша одежда будет готова к этому времени. Я готовила эту одрину сама, к вашему приезду... но если что-то понадобится, то скажите.

Я обернулась и увидела, как служанка нервно перебирает складки своего передника. В её движениях читалось напряжение и желание угодить.

Я подошла к ней и мягко накрыла её дрожащую руку своей ладонью. Её кожа была сухой и тёплой.— Всё просто замечательно, Дарья. Не беспокойтесь. Вы можете идти.

— Спасибо... — облегчённо выдохнула она, и на её лице промелькнула тень улыбки. Она неловко поклонилась и поспешила к выходу.

Дверь закрылась за ней тихо, словно боясь нарушить мой покой. Но покоя не было. Я осталась одна в этой роскошной тишине, окружённая чужими вещами и чужими правилами.

Раздался стук в дверь — настойчивый, требовательный. За ним последовал низкий, бархатистый голос.

— Госпожа, священник уже ждёт вас. Пройдёмте в крещальню.

Я с досадой распахнула дверь. Каждый удар сердца отдавался глухой болью. Надеюсь, *Волос* простит меня за это предательство. Простит за то, что я отрекаюсь от веры предков ради холодных стен и чужой молитвы.

— А... это больно? — Мой голос дрогнул, выдавая страх, который я отчаянно пыталась скрыть. Мы спустились по широкой лестнице, и я украдкой взглянула на Вадима.

Тень улыбки, едва заметная, коснулась уголков его серьёзного лица. Он медленно покачал головой.

Вадим привёл меня к небольшому водоёму, затянутому по краям ржавой кромкой льда. Сам он, повинувшись неписаному закону, тут же растворился в тени деревьев, оставив меня одну наедине с неизвестностью.

На сухой, шуршащей под ногами листве, стоял священник. В его руках был свёрток из грубого полотна — белый простой кафтан. Он молча смотрел на меня, и в его глазах не было ни сочувствия, ни осуждения.

— Ты готова, дитя моё? — Его голос был ровным, глубоким, словно рокот далёкого грома. Он странным образом успокоил бушующую внутри панику.

Я нерешительно кивнула и дрожащими пальцами потянулась к шнуровке на воротах рубахи. Священник быстро остановил меня, мягко, но властно коснувшись руки.

— Это лишнее. На улице холодно. Я думаю, Бог не обидится, если вы будете в своих одеждах.

Он коротко улыбнулся — мимолётно, но тепло. Затем протянул мне широкую ладонь.

— Положите свою руку мне в ладонь. Я произнесу молитву. После вы трижды погрузитесь в воду. И ничего страшного.

Я вложила свою ладонь в его. Рука была сухой и тёплой. Он начал произносить молитву на чужом, гортанном языке. Слова текли монотонным потоком, а я думала о доме. О Свято-славе и его обещании. Хотя... может, я зря боялась? Может, вся молва о купце — лишь злые слухи? Да, они надменны, и их главный грех — тщеславие. Но может, те девушки просто преувеличили? Или не понравились самому купцу? Или его сыну? Я не знала. Сомнения грызли меня изнутри.

— Войдите в воду, дорогая.

Тихий голос священника выдернул меня из раздумий так резко, что я вздрогнула.

Холодная вода коснулась ступней, мгновенно поднимаясь выше по щиколоткам, к коленям. Я задрожала всем телом.

Священник шагнул ближе и без предупреждения полностью погрузил меня в воду. Мир исчез. Остался лишь ледяной мрак и глухой шум в ушах. Я не сопротивлялась — тело сковало оцепенение. Затем он рывком поднял меня наверх. Я судорожно хватала ртом воздух.

Снова вниз. Вода сомкнулась над головой, проникая в нос и рот. Сквозь мутную пелену я слышала его тихую молитву, которая теперь казалась погребальным звоном по моей старой жизни.

И ещё раз. Последнее погружение было самым долгим. Когда он позволил мне вынырнуть, зубы выбивали отчаянную дробь.

Я ступила на листву — сломленная, мокрая до нитки и бесконечно одинокая. Священник молча протянул мне белый кафтан, и молча ушёл, оставив меня одну у тёмной воды.

Я быстро сняла мокрую одежду и надела кафтан, но теплее от этого не стало. Вадим медленно подошёл и накрыл мои плечи стёганным одеялом.

— Ну, что больно было, госпожа. — Он по-доброму улыбнулся.

— Вас это веселит? — Стуча зубами спросила я.

Вадим открыл массивную дверь особняка и, пропуская меня вперёд, тихо сказал. — Немного.

Когда я открыла дверь в свои покои, Дарья уже ждала меня. На крышке массивного сундука, словно кровавое пятно, лежал красный сарафан.

— Господин велел вас нарядить на свадьбу, госпожа, — тихо произнесла она, не поднимая глаз.

Я оглянулась. Коридор был пуст. Вадим исчез так же бесшумно, как и появился. Тяжёлый вздох вырвался из груди, и я переступила порог горницы, чувствуя себя пленницей, входящей в собственную клетку.

Дарья действовала быстро и сноровисто. На тонкую, льняную рубаху, холодившую кожу, она натянула тяжёлый свадебный наряд. Красный сарафан из дорогого, иноземного сукна был так туго стянут в талии, что я едва могла дышать. Я стояла неподвижно, словно деревянная кукла, лишь изредка поднимая руки, чтобы служанке было удобнее затягивать шнуровку.

Затем Дарья забралась на сундук. Её ловкие пальцы убрали мои волосы, вплетая в косу шёлковые ленты. На голову она водрузила кикю, украшенную речным жемчугом. Холодные бусины коснулись лба, и я вздрогнула.

Следом пришёл черёд украшений. Массивные серьги оттягивали мочки ушей, тяжелое ожерелье легло на грудь, браслеты из серебра и золота защёлкнулись на запястьях. Жемчужные нити опутали шею. Я чувствовала себя не невестой, а ларцом с драгоценностями, который выставили напоказ. — Я похожа на украшенную избу перед святками, — прошептала я одними губами. Дарья лишь сочувственно поджала губы и накинула на моё лицо плотную тёмную фату. Мир сузился до узкой полоски света перед глазами. «Пусть лучше сглазят», — промелькнула отчаянная мысль. Или пусть земля разверзнется и поглотит меня прямо сейчас.

До церкви меня проводил Вадим. Его каменное лицо не выражало ничего.

Внутри было душно от запаха ладана и сотен тел, собравшихся поглазеть на зрелище. Я искала взглядом родные лица, надеясь увидеть хотя бы кого-то из своей деревни. Но их здесь не было. Это дорогое и показное событие не предназначалось для таких, как они. Для таких, как я.

Глеб взял меня под руку. Его пальцы впились в кожу сквозь ткань. — Где же моя семья? — шепнула я, чувствуя, как к горлу подступает ком. Он даже не повернул головы. Свинья.

Дорогу к аналою устилали широким холстом. Под ноги нам бросили монеты и связки соболей — символы богатства и пожелания сытой жизни. Я слышала смех за спиной, ощущала чужие пальцы, которые норовили задеть мой наряд, потрогать «новую игрушку» господина. Голова начала кружиться, а воздух в храме стал густым и вязким, как смола.

— Нет ли препятствий для этого брака? — Голос священника доносился словно сквозь толщу воды.

Кто-то вложил мне в руку свечу. Она была тяжёлой и тёплой. Я повернула голову к Глебу. Он с самодовольной ухмылкой тянул свою свечу вверх, словно соревнуясь с кем-то невидимым. Гости захлопали, будто он совершил подвиг.

Глеб резко поднял мою фату. Его грубый поцелуй мокро отпечатался на моей щеке. Он отстранился, отхлебнул вина из кубка и с размаху швырнул его на каменный пол. Хрустальный звон осколков показался мне оглушительным.

— Мне... мне так душно... — Слова давались с трудом, язык отказывался слушаться. Я вцепилась в руку мужа мёртвой хваткой, боясь потерять сознание и рухнуть на глазах у всех.

— Что ты там мямлишь? — Он даже не взглянул на меня.

Он выволок меня из церкви так бесцеремонно, будто тащил мешок с зерном. У крыльца он просто разжал пальцы, и я упала на сухую траву у его ног.

Вадим оказался рядом мгновенно. Он подхватил меня на руки раньше, чем я коснулась земли.— Уведи её с моих глаз! — бросил Глеб через плечо.

— Я задыхаюсь... — прохрипела я.— Потерпите, госпожа... — Вадим уже ослаблял пояс сарафана.

Первый глоток прохладного вечернего воздуха обжёг лёгкие. Я почувствовала, как его сильные руки держат меня крепко и надёжно. Мутным взглядом я скользнула по его лицу — резкая линия подбородка, плотно сжатые губы... Какой красивый подбородок...

Я не поняла, произнесла ли это вслух или лишь подумала. Веки налились свинцом, мир закружился в последнем вихре и погас.

Я провалилась в спасительное небытие.

Я проснулась в одной лишь нижней рубаше. В памяти, словно сквозь туман, всплывали обрывки ночного кошмара: чей-то гнусный смех, липкие прикосновения, влажный поцелуй мужа, от которого меня передёрнуло, и резкая, гордая линия *его* подбородка... Щёки вспыхнули румянцем. Как хорошо, что супруг не ночевал со мной.

Взяв в руки тяжёлый медный канделябр, я тихо вышла из опочивальни. С каждым шагом сознание прояснялось, и отвратительные картины вчерашнего вечера вставали перед глазами всё отчётливее.

Внезапно снизу донёсся шорох шагов. Я замерла и перегнулась через перила. По лестнице, воровато озираясь, почти бежал светловолосый юноша в одной исподней рубаше. Я уже хотела окликнуть его, но тут на моё плечо легла мягкая ладонь.

— Госпожа... — раздался тихий голос.

Я обернулась. Передо мной стояла Дарья.

— Вам следует одеться, скоро подадут завтрак, — мягко напомнила она.

Я молча кивнула и направилась обратно в горницу.

За длинным столом собрались все: я, купец с супругой и мой муж. Жена купца сидела неестественно прямо — корсет, казалось, вот-вот поднимет её плечи к самому потолку. Бедная женщина едва могла дышать, а о еде и речи не шло. Её муж, напротив, с жадностью набивал живот, крошки сыпались из его рта, а струйка кваса стекала по седой бороде. От этого омерзительного зрелища меня замутило.

Внезапно я ощутила чужое прикосновение к колену. Взглянула на мужа, но тот лишь надменно потягивал чай, делая вид, что ничего не замечает. Толстые пальцы поползли выше, и я, не в силах сдержать отвращение, резко вскочила. Все взгляды устремились на меня.

— Прощу меня извинить, — бросила я, скомкав салфетку, и почти выбежала из особняка.

Прохладный осенний воздух освежил лицо, и я направилась в сад диких роз. Опустилась на резную деревянную лавку, чувствуя, как горечь обиды застряла в горле горьким комком.

На прямой дорожке, чуть поодаль, застыла высокая фигура охранника. Его силуэт казался выточенным из камня.

— Госпожа... — ветер донёс до меня бархатистые нотки его голоса.

Я встала и, не зная, куда деть руки, сделала неуверенный шаг навстречу.

— Простите меня за вчерашнее. Я доставила вам много хлопот.

Вадим шагнул ко мне. Его взгляд был спокоен, но в нём читалась скрытая тревога.

— Ваши хлопоты — моя работа, — ответил он, и в его голосе прозвучала тень мягкой заботы.

Ветер трепал его тёмную прядь, выбившуюся из короткой причёски. Пряный аромат увядающих листьев и плодородной земли смешивался с запахом шиповника. Мы стояли в шаге друг от друга, и время словно остановилось. Жёлтые листья, кружась, падали на его плащ, на мгновение застревая на массивной застёжке у правого плеча.

Дни летели друг за другом. За ними месяца.

Первый снег укрыв осенние листья. Семья не писала мне. Даже Святослав, что было особенно больно.

Я спускалась по лестнице, когда мой взгляд зацепился за выпавший из кармана Дарья свиток. На нём, скреплённая княжеской печатью, красовалась витиеватая надпись:

«В Мирограде, в княжеских палатах, в Рождество Христово семья купца Донского, в количестве четырёх человек, приглашена на праздничный обед. Разрешено взять с собой ближайших помощников. Твой приезд будет честью для двора».

Дарья, не заметив пропажи, направилась вглубь коридора. Я последовала за ней. Служанка остановилась у массивной двери и, звякнув ключом, открыла замок. Я выждала несколько секунд и, придержав дверь, бесшумно проскользнула внутрь.

Дарья резко обернулась. Её рука метнулась к фартуку в поисках грамоты, а взгляд стал тревожным. На столе стоял приоткрытый сундук. Я подошла ближе и протянула ей свиток.

— Вы обронули.

Служанка вздрогнула. С треском захлопнув крышку сундука, она попыталась скрыть его содержимое, но я успела заметить внутри стопку писем.

— Вам сюда нельзя, госпожа.

— Я только хотела отдать.

Я положила грамоту на стол и, не сказав больше ни слова, вышла из кабинета купца.

Снежный покров укутал землю, превратив всё вокруг в безликую белую равнину. Этот холод, казалось, проникал и в душу, убаюкивая тревоги и сомнения. В мыслях я снова и снова возвращалась к Матвейке и Святославу. Почему от него нет вестей? Что происходит дома? Быть может, мать не отпустила его в город, или они с Алишкой просто сбежали из деревни? Сердце сжималось от неизвестности и тоски.

— Госпожа, вы простудитесь.

Сильные руки Вадима осторожно подняли меня с земли. Только сейчас я поняла, что сижу прямо на снегу. Бархатный плащ промок, тело пробирала дрожь. Вадим накинул на меня тёплое стёганое покрывало, и его внимательный взгляд серых глаз задержался на моих губах. Щёки тут же вспыхнули, а по телу разлилась горячая волна. Мы стояли под старой яблоней, ветви которой усыпаны снегом.

Внезапно, повинувшись необузданному порыву, я потянулась к нему. Наши губы почти соприкоснулись, но я замерла в нерешительности.

— Вадим...

Он тяжело сглотнул и тихо произнёс:

— Госпожа.

Больше не было сил сдерживаться. Наши губы встретились в страстном поцелуе. Его сильные руки притянули меня к себе так крепко, что покрывало соскользнуло с плеч. Холодной

ладонью я коснулась его груди под нижней рубахой — по его телу пробежали мурашки. Вадим сжал мои волосы, а я, осмелев, скользнула рукой ниже, ощутив его горячую, твёрдую плоть. В этот момент с ветки яблони сорвался снег — прямо на нас. Я вздрогнула и отстранилась.

С дерева вспорхнула испуганная птица, а я не смогла сдержать смех — звонкий, искренний, давно забытый. Вадим улыбнулся краешком губ в ответ, и на мгновение все тревоги отступили перед этим внезапным порывом счастья.

Я подняла покрывало и тихо сказала. — Скоро ужин, мне надо возвращаться в особняк. Вадим лишь кивнул и проводил меня до массивной двери.

Переступив порог светлицы, я сразу ощутила густой пряный аромат жареной рыбы. Мимо, едва не задев меня, проскользнула служанка с огромным разносом, на котором лежала диковинная рыба, источавшая соблазнительный запах.

— Мой муж дома? — спросила я, стараясь скрыть волнение.

— Да, госпожа. Через минуту Дарья оповестит его об ужине.

— Я сама это сделаю.

Не дожидаясь ответа, я быстрым шагом направилась к покоям мужа. Однако, услышав за дверью приглушённые мужские голоса, невольно замедлила шаг и прислушалась.

— Ты должен рассказать отцу, мой дорогой.

— Ты же знаешь, отец такого не потерпит. Он сожжёт меня на костре, как какое-то отвратительное отродье, — в голосе мужа слышалась тяжёлая усталость.

В груди всё сжалось от дурного предчувствия. Не в силах больше сдерживать себя, я резко распахнула дверь.

Картина, представшая передо мной, заставила сердце остановиться. На широкой лавке лежали двое: мой супруг и светловолосый юноша. Оба были полностью обнажены. Увидев меня, юноша в ужасе вскочил, наспех натягивая нижнюю рубаху. Глеб же, напротив, остался лежать. Он медленно обернулся, и на его губах заиграла холодная, надменная улыбка.

— Зайди и закрой за собой дверь, — спокойно произнёс он.

Я с силой хлопнула дверью, и эхо разнесло звук по коридору.

— Ты отвратителен! — Мой голос сорвался на крик, но в нём было больше боли, чем гнева.

Глеб медленно поднялся с кровати, не спеша натянул нижнюю рубаху и направился ко мне. Его лицо оставалось непроницаемо спокойным, но в глазах плясали опасные искры. Он надвигался на меня, и я невольно пятилась, пока не упёрлась спиной в холодную стену.

— Сейчас ты спустишься вниз и сделаешь вид, что абсолютно ничего не видела, дорогая жена, — его голос был тихим, но в нём звенела сталь.

От одного его взгляда мне стало жутко. Стена отрезала путь к отступлению. Пальцы Глеба сомкнулись на моём горле, причиняя боль. Но вместе со страхом в голове родилась холодная, расчётливая мысль. Я должна использовать их связь.

— Глебушка, не надо! — жалобно взмолился юноша, но его голос лишь подстегнул решимость моего мужа.

— Рано или поздно твой отец обо всём догадается сам, муж мой, — прохрипела я, чувствуя, как сжимаются его пальцы.

— О чём это ты болтаешь? — в его тоне послышалось раздражение.

— В день приезда я видела этого юношу рано утром. Он выходил из твоих покоев в одной нижней рубахе. Тогда я не придавала этому значения, но теперь... всё стало ясно. А если видела я, то, несомненно, видели и другие. Служанки — те ещё сплетницы. Они донесут твоему отцу.

Глеб медленно разжал пальцы. В его взгляде больше не было слепой ярости — лишь холодный, оценивающий интерес.

— К тому же мы женаты уже четвёртый месяц, — продолжила я, стараясь говорить ровно. — А намёков на беременность ни кто не замечает. Это странно, не находишь? Если так пойдёт и дальше, твой секрет раскроется. Рано или поздно.

Глеб убрал руку от моего горла и усмехнулся:— А ты не так проста. И что ты предлагаешь?

Я прошла к резному стулу и села, закинув ногу на ногу. Мой голос звучал уверенно и властно.

— Вы двое не должны больше встречаться здесь так часто. Это слишком опасно. Советую вам, — я мягко посмотрела на юношу, — переехать в другой город. Уверена, мой щедрый муж снимет вам достойные апартаменты. А ты, мой дорогой супруг, должен больше участвовать в делах своего отца. Глядишь, и новые лавки откроешь... где-нибудь в другом городе.

Глеб взял второй стул и сел напротив меня.

— Что ещё?

— Ты должен перестать думать, что все вокруг тебе поклоняются и беспрекословно слушаются. Ты знал, что у Дарьи есть ключи от кабинета купца?

Он покачал головой:— Должна же она там навести порядок.

Я заговорщически наклонилась к нему:— Серьёзно? Навести порядок? Даже твоей матери не разрешено туда заходить. А когда я оказалась там, Дарья так испугалась... Это значит, Глеб, что она тайно сделала дубликаты ключей от всех дверей. Каждую горницу, каждый кабинет и даже твои покои она может исследовать сколько угодно.

Глеб нахмурился:— Как складно ты всё обрисовала. Дарья — главная прислуга, у неё есть ключи от всех дверей. А моя мать... она просто безвольная. Её единственная цель — попивать чай с подругами. Отец запретил ей шнырять по дому, потому что попросту презирает её.

— Глеб, остановись! Она хочет помочь! — снова вмешался юноша.

Я встала и направилась к выходу.

У самой двери юноша мягко остановил меня за руку. Его взгляд был полон отчаяния и надежды:— Госпожа... если вы можете помочь этому упрямцу... я прошу вас...

— Обсудим это завтра где-нибудь в городе, в людном месте.

— Завтра как раз выступают скоморохи. — Воскликнул юноша, хлопая в ладоши.

Глеб закатил глаза и укоризненно метнул взгляд на него. — Ах, Анисий.

— И захватите с собой даму, Анисий. — Отчеканила я, выходя из покоев.

Глава два.

Сделка.

Под оглушительный грохот бубнов и пронзительный визг дудок ряженые ворвались в круг, очерченный светом костров. Толпа ахнула, подавшись вперёд в едином порыве любопытства. Скоморохи замерли, словно живые изваяния, и в наступившей тишине в центр круга крадучись вышел человек. Его лицо скрывала деревянная маска козы, ярко выкрашенная охрой и киноварью. Глаза под грубо вырезанными надбровными дугами — два осколка угля — медленно обвели толпу. Он подпрыгнул, нелепо перебирая ногами, и разразился громким, протяжным блеянием:— Беее! Беее! Беее!

Следом за ним, тяжело ступая и волоча по утоптанному снегу полы длинного красного кафтана, вышел «дед». Его сверкающий наряд, расшитый потускневшими от времени блёстками, венчала высокая шапка с облезлым мехом.— Охо-хо-хо! — прокатилось по рядам зрителей.

Я крепче сжала локоть мужа.— Они опаздывают, — шепнула я ему на ухо, чувствуя, как по спине пробегает волна напряжения. Глеб лишь хмыкнул и едва заметно кивнул в сторону приближающейся пары. Анисий вёл под руку девушку. Рыжие волосы её выбивались из-под платка, а рубаха из тончайшего выбеленного льна так плотно облегла стан, что казалась второй кожей. Широкие рукава, собранные у запястий узкими обручьями, полностью скрывали руки

до самых кончиков пальцев. Зелёная понёва поблёскивала на зимнем солнце. Девушка зябко поёжилась и натянула на плечо бархатную накидку. Анисий галантно приобнял её за талию. — Они прекрасно смотрятся вместе, — заметила я, стараясь придать голосу беззаботность. — Да уж, нашёл же где-то лярву, — зло процедил Глеб сквозь зубы. Я больно ткнула его локтем в бок. Он уже открыл рот для ответа, но я быстро чмокнула его в губы и нарочито громко сказала: — Поприветствуй же наших друзей, дорогой супруг! Я встала и обняла девушку. — Я Игната. А как вас зовут?

— Александра. — Девушка обняла меня в ответ. Она держалась расслабленно, будто мы действительно были близкими подругами. Как хорошо, что Анисий ввёл её в курс дела.

— Шшш... шшш... шшш! — зашипели со всех сторон недовольные зрители.

Мы поспешили сесть на свои места.

Один из ряженных заметил мрачное лицо Глеба и тут же начал его передразнивать. — Ах, это же прекрасный молодой Донской со своей очаровательной супругой! — Скоморох театрально вскинул руки к небу. — Ваш кафтан искрится золотом и драгоценными камнями, с вами изумительной красоты молодая супруга... Но отчего же вы не веселы?

Скоморох подошёл к нам вплотную и вскинул руку к лицу Глеба. Вся толпа уставилась на нас. Позади нас Вадим сделал шаг вперёд, но я едва заметно качнула головой: нет.

Лицо Глеба исказилось от едва сдерживаемой ярости. Я быстро сунула руку в карман его кафтана и нащупала кошель. Скоморох застыл с вытянутой ладонью, ожидая платы или ответа. Люди начали посмеиваться. Я незаметно вложила четыре златника в грязную ладонь ряженого. — Я слышала, что с вами выступает очаровательная дива! Говорят, её пение слаще мёда! Не могли бы вы нам продемонстрировать её талант? — мой голос звучал непринуждённо, но внутри всё дрожало.

Александра надменно вскинула бровь и чеканным голосом добавила: — Делай, что велено, ряженный, или головы тебе не сносить! Анисий тут же подхватил игру: — Перечисль знати? Какая вопиющая неблагодарность!

— Костра захотел? — Шёпотки ужаса и восторга расползлись по толпе. Скоморох ловко спрятал монеты в складки своего одеяния и выкрикнул: — Что ж, господа желают диву? Будет вам дива! Встречайте! Дива Анабелла!

Толпа взорвалась аплодисментами. Я с облегчением выдохнула. — Вот об этом я и толкую, Глеб. Он зло зыркнул на меня: — О чём? О том, что ты придумываешь способы выставить меня посмешищем? Я показно улыбнулась и положила руку ему на колено. — О том, что ты сам себя подвергаешь опасности. Ты пришёл на представление — веселись! Улыбайся! У тебя есть всё: молодая жена, богатства... А если тебе это не мило — люди додумают остальное сами.

Глеб поправил воротник и натянуто растянул губы в улыбке. — А теперь слушай меня внимательно, — мой голос опустился до едва слышного шёпота. — Ты сделаешь так, как я говорила: снимешь апартаменты своему другу в другом городе. Но до этого ты откроешь там лавку и возьмёшь ответственность за неё на себя. Мы должны везде появляться вместе: смеяться, обниматься на людях. Быть счастливой парой. Желательно уехать куда-нибудь вдвоём на несколько дней. Но делить одно ложе по ночам мы не обязаны.

Глеб наклонился, делая вид, что поднимает что-то с земли. — Откуда же тогда взяться маленьким спиногрызам? Я наклонилась к его щеке, имитируя поцелуй. — Женщина — существо слабое. И нередко маленькому организму трудно удержаться в чреве матери. Да и я... как ты заметил... склонна к меланхолии.

Сзади Александра наклонилась ко мне и шепнула: — Анисий в восторге от вашего склада ума. Я положила голову на плечо мужа, а он тихо спросил: — Что взамен?

— Я хочу видиться с семьёй: пусть моему брату можно будет приезжать к нам в дом или мне разрешат выезжать в город одной. Также мне нужно материальное сопровождение и... я хочу учиться языкам. Глеб обнял меня за талию чуть крепче. — Ты достойный дипломат.

Мелодичный голос дивы затих. Толпа взорвалась овациями. Я хотела рассказать Глебу о том омерзительном прикосновении за столом... но он вдруг вскочил. На его лице сияла искренняя улыбка.— Блестяще! — выкрикнул он в сторону сцены так громко, чтобы слышали все соседи.

Наша четвёрка ещё долго прогуливалась по двору, смеясь и обсуждая что-то новое для каждого. Мне не верилось, что это моя жизнь. Кажется я, наконец, счастлива, но тоска по Святославу тяжёлым грузом покоилась на моём сердце. Я оглянулась. Сзади тёмными тенями шла наша свита. Я посмотрела на Вадима и улыбнулась, он поймал мой взгляд.

Мы с Глебом вернулись уже за полночь, машинально он побрёл в свои покои, но я взяла его под руку и повела в общую одрину.

Я проснулась задолго до рассвета. В одрине царил полумрак, и только ровное дыхание мужа нарушало тишину. Он спал на спине, раскинув руки и ноги. За окном, в непроглядной тьме, медленно кружились снежинки.

Не потрудившись найти что-то более подходящее, я накинула первое попавшееся платье и тихо выскользнула из полумрака. Холодный воздух обжёг лицо, но я лишь подняла голову, подставляя его ударам. Крупные хлопья падали на кожу и тут же таяли, оставляя после себя лишь мимолётную прохладу. Их жизнь была коротка и прекрасна.

Из темноты выступила высокая фигура. Вадим. Он стоял неподвижно, сливаясь с темной, и лишь кольчуга тускло поблёскивала переливами металла. Его внимательный, тяжёлый взгляд серых глаз следил за каждым моим движением.

Я молча кивнула ему и направилась вглубь сада диких роз. Это место всё ещё оставалось для меня единственным островком спокойствия в этом огромном и чужом особняке. Снег укутал всё вокруг, превратив сад в белоснежный грот, надёжно скрывающий от посторонних глаз.

Я остановилась у старого грушевого дерева, чувствуя, как Вадим замер в нескольких шагах позади. Но тишина длилась недолго. Я ощутила прикосновение холодного металла к своей обнажённой шее — он обнял меня сзади, крепко и властно. Я накрыла его руки своими ладонями и откинула голову назад, заглядывая ему в лицо.

Вадим смотрел на меня так, будто пытался запомнить каждую чёрточку, каждый изгиб. Я тонула в глубине его серых глаз.— Пусть никто меня не спасёт, — пронеслось в голове.

Его губы нашли мои. Поцелуй был долгим, страстным и мучительно сладким.

— Перестаньте меня мучить, госпожа, — выдохнул он мне в губы. — Наша связь под запретом.— Скоро всё изменится, я обещаю, — прошептала я в ответ.

Мы стояли так ещё долго, пока первые робкие лучи солнца не коснулись верхушек деревьев.

После завтрака я спускалась по витиеватой лестнице. Неожиданно супруг подхватил меня на руки, в несколько шагов преодолел оставшиеся ступени и, кружась, опустил на пол. Я была ошеломлена тем, как быстро и искусно он вжился в роль влюблённого мужа. С жаром он притянул меня к себе и страстно поцеловал. Служанки позади захихикали, а моё лицо вспыхнуло краской.

— Сегодня мы приглашены на княжеский обед, любовь моя! Я хочу, чтобы ты... — Он не договорил.

Несколько слуг метнулись к нам с большим сундуком. Они быстро открыли его и достали великолепное платье, сшитое из плотного, но струящегося шёлка, привезённого из далёких земель. Его глубокий цвет напоминал летнюю ночь перед грозой — синий, почти чернильный. Ткань мягко переливалась в свете лучин, напоминая гладь глубокого озера.

— ...Блистала в этом чудном платье, — закончил Глеб.

Я взяла наряд в руки, и его плотный материал приятно охлаждал пальцы.— Чудном? Оно прекрасно, Глеб.

Роскошное платье сияло в моих руках. Поддавшись очарованию момента, я поцеловала мужа в щёку — искренне и безмятежно.

По соседней лестнице медленно спускался купец, а в углу стоял Вадим. Серые глаза охранника сузились, и он метнул на нас злой взгляд. Глеб проследил за его взглядом и надменно произнёс:— Вы так не думаете, дражайший рядович?

— Никак нет, господин. Госпожа всегда под стать вам, — отчеканил Вадим.

Меня вдруг наполнила горечь. Я хотела выпутаться из объятий супруга, но он держал меня крепко, изредка поглаживая по линии талии.

— Блестяще, — надменно произнёс Глеб.

Вадим лишь коротко кивнул и скрылся в недрах особняка.

— Кажется, он посмел положить на тебя глаз. Неотёсанная челядь, не правда ли, дорогая? — Наконец, Глеб ослабил хватку и, чмокнув меня в щёку, заглянул прямо в глаза.

Я растерянно кивнула, натянуто улыбаясь:— Да, мой милый.

Вслух я сказала одно, но в голове билась совсем другая мысль: «*Что я наделала?*»

Глава три.

Богатства Лихо.

Мир вокруг плыл, словно в тумане. Я двигалась механически, опираясь на руку мужа, и не заметила, как мы оказались в карете. Колёса закрипели, и экипаж тронулся с места. В памяти, словно клеймо, всплывали злые серые глаза Вадима. Я слишком хорошо знала это чувство — быть безвольной игрушкой в чьих-то богатых руках. Но я всё исправлю. Клянусь.

Карета остановилась. Я выглянула в окно: просторный двор княжеского замка гудел, как растревоженный улей. Здесь собралась вся знать: князья в парчовых шубах, надменные бояре, суровые воеводы и бравые дружинники. Муж вышел первым, подал мне руку и галантно проводил до крыльца женской половины. Сухо чмокнув меня в щёку на прощание, он ушёл, оставив меня одну перед массивными дверями терема.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.